

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Константинов М.С., Пупыкин Р.А. Культурные универсалии российского общества в контексте межпоколенческого конфликта // Конфликтология / nota bene. 2025. № 1. DOI: 10.7256/2454-0617.2025.1.73094
EDN: YNJETO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73094

Культурные универсалии российского общества в контексте межпоколенческого конфликта

Константинов Михаил Сергеевич

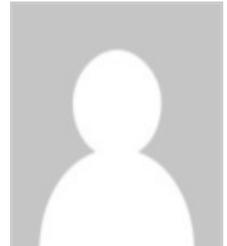
ORCID: 0000-0003-2781-789X

кандидат политических наук

доцент, кафедра теоретической и прикладной политологии; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ konstantinov@sfedu.ru

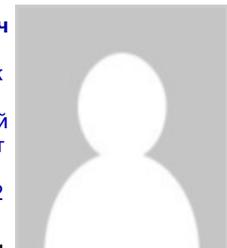
Пупыкин Роман Александрович

кандидат политических наук

зав. кафедрой; институт философии и социально-политических наук; Южный федеральный университет

344006, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

✉ proman2006@mail.ru

[Статья из рубрики "Ценностные конфликты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2025.1.73094

EDN:

YNJETO

Дата направления статьи в редакцию:

15-01-2025

Дата публикации:

22-01-2025

Аннотация: В статье представлены некоторые результаты двух всероссийских социологических исследований, направленных на выявление специфики и мировоззренческих оснований межпоколенческих отношений в современном российском

обществе. Объектом исследования стало сознание современного россиянина, а предметом выступили культурные универсалии в контексте межпоколенческих мировоззренческих различий. В качестве теоретической базы была использована теория самокатегоризации Дж. Тёрнера, в основе которой лежит представление о когнитивной самокатегоризации индивидов в качестве членов различных сообществ – местных, профессиональных, поколенческих и т. д. Ключевым когнитивным механизмом самокатегоризации выступает принцип метаконтраста, суть которого состоит в эффекте отличительной черты, определяющей либо принадлежность к группе, либо непопадание в неё. Эти принципы были положены в основу анкеты социологического опроса. В процессе исследования анкетные опросы (N=1600) 2023 и 2024 гг. предварялись серией фокус-групп, а также анализом социальных сетей. В результате были выявлены мировоззренческие разломы между поколениями, а также те культурные универсалии, которые при всех межпоколенческих противоречиях, формируют ментальное единство российского общества. В числе специфицирующих поколения метаконтрастов определились следующие: проекция негативных характеристик на более молодых с параллельным наделянием превосходными качествами представителей старшего поколения; исторические события: пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, перестройка 1985–1991 гг., Специальная военная операция России на Украине, покорение космоса и Великая Октябрьская революция 1917 г. К общекультурным константам были отнесены ценности работоспособности, ответственности, веры в собственные силы и др., антиценности безответственности, импульсивности и др., а также специфические отношения к двум историческим событиям: Великой Отечественной войне и распаду СССР.

Ключевые слова:

поколения России, межпоколенческий конфликт, мировоззрение, мировоззренческая модель, идеология, идеологический концепт, мораль, культурные универсалии, культурные константы, анкетный опрос

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2024-0024, тема «Культурные универсалии в мировоззренческой парадигме современного российского общества: поколенческое и региональное измерения»)

Введение

Проблема поколений и конфликтов между ними давно привлекает внимание учёных, философов и писателей. Собственно, само понятие поколения, история исследований которого насчитывает не одно столетие (начиная с четвёртого тома «Курса позитивной философии» (1839 г.) Огюста Конта [см.: 20], где была поставлена проблема смены поколений и исторического значения этой смены), было изначально связано с рефлексией конфликтов, порождаемых поколенческими различиями. Так, уже через 4 года после публикации упомянутой работы О. Конта Джон Стюарт Милль в своей «Системе логики» выделяет особые «периоды деятельности отдельных поколений – периоды, в течение которых успела воспитаться, вырасти и завладеть обществом новая смена людей» [11, с. 679]. Здесь уже содержится мысль о том, что «овладение обществом», когда поколение выходит на историческую сцену, нередко сопряжено с конфликтными отношениями между поколениями «отцов и детей». А у испанского

философа и социолога Х. Ортеги-и-Гассета поколение, определяемое как «общность сосуществующих в одном кругу сверстников» [13, с. 260], становится не просто категорией фиксации межпоколенческого конфликта, но ключевой единицей глобальных исторических перемен: «...Этот мир изменяется с каждым новым поколением, поскольку предыдущее оставило в нём какой-то свой след, изменило его в большей или меньшей степени по сравнению с тем, каким оно его застало» [13, с. 267]. Поколенческую общность объединяет, согласно Ортеге, два признака: единство возраста и сеть жизненных контактов. Не менее важно также то, что поколение «занимает своё место в историческом времени..., а во-вторых, оно обладает своим местом в пространстве» [13, с. 261]. Ортега выделил и ритм активности поколения в пятнадцатилетнем цикле.

Похожие идеи развивала и американский антрополог Маргарет Мид, связывая преемственность между поколениями с культурной динамикой общества: «Прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения; прожитое ими – это схема будущего для их детей. Будущее у детей формируется таким образом, что все пережитое их предшественниками во взрослые годы становится также и тем, что испытают дети, когда они вырастут» [10, с. 322]. На этой идее основывалась одна из самых известных типологий культур, предложенных М. Мид: постфигуративной (где дети учатся у своих предшественников, ориентируются на их опыт и интернализируют этот опыт; таково большинство традиционных обществ), конфигуративной (где поколения интериоризируют опыт друг друга, что само по себе не может не порождать конфликтов, одно из лучших художественных описаний которых оставлено И.С. Тургеневым) и префигуративной (где не столько дети учатся у взрослых, но резко ускорившееся социальное время приводит к быстрому накоплению опыта молодыми поколениями и не менее быстрому устареванию опыта старших, что имеет следствием необходимость обучения взрослых их детьми). И если в первом типе культуры социальное распределение ролей приводит к закреплению авторитета старших, что стабилизирует общество, то в префигуративной культуре (концепция которой была сформирована во многом под влиянием молодёжной контркультуры и студенческих волнений в США и Европе) межпоколенческий конфликт становится перманентным.

Не является в этом отношении исключением и Россия [7, 8]. Как отмечают некоторые специалисты, феномен «префигуративной культуры» в нашей стране возникает далеко не вчера, порождая различные межпоколенческие напряжения и конфликты [см., например: , 1]. Так, уже в 50-х гг. XX в. социокультурным фактором, определившим эпоху и во многом сформировавшим тренды последующих «шестидесятых», стало резкое ускорение социального времени под влиянием научно-технического прогресса, в который включился и СССР, а также переход от культуры сталинизма к периоду «оттепели». Всё это в совокупности породило ситуацию поколенческой ориентации на будущее, а не на прошлое и, соответственно, формирование префигуративной культуры в советском обществе [18]. Это нашло отражение не только с быту, но и в художественной литературе и искусстве того времени. Но самым важным следствием этого периода стало возникновение особого типа личности, достаточно глубоко интегрированной в современное общество [см., например: , 19]. Так, О.В. Хархордин вспоминает своё удивление результатами общения с молодыми российскими предпринимателями в самом начале 90-х гг., когда выяснилось, что несмотря на расхожие представления о советском обществе как об обществе «коллективистов», молодёжь выступала в качестве носителей вполне современных условно «индивидуалистических» ценностей, проявляя в своих суждениях и действиях ценности и установки общества модерна. Таким образом, неоднократно возникавший в истории

России конфликт «отцов и детей», блестяще описанный в середине XIX в. И.С. Тургеневым как диагноз зарождающейся кофигуративной (в терминах М. Мид) культуры, уже к середине XX в. приобрёл все характеристики префигуративной культуры и определял дальнейшее развитие нашей страны.

Материалы и методы

В таком концептуальном контексте весьма любопытно было бы посмотреть на состояние межпоколенческих отношений в современном российском обществе. Указанная проблема стала одним из аспектов двух связанных между собой социологических исследований межпоколенческих отношений в современной России, проведённых научным коллективом из Южного федерального университета в 2023 и 2024 гг. Оба исследования включали всероссийские анкетные опросы по репрезентативной выборке в 1600 респондентов (статпогрешность $\pm 2,45\%$), предварявшиеся серией фокус-групп и сбором данных в социальных сетях. Выборка анкетных опросов проектировалась вероятностной и стратифицированной. Стратификация выборки предполагалась по двум критериям: возрастному и региональному (по месту проживания). В соответствии с этими критериями были опрошены четыре возрастные когорты по 400 респондентов в каждой, распределённых пропорционально на восемь российских регионов (по 200 респондентов в каждом).

Для исследования были выделены следующие возрастные когорты, соотносящиеся с четырьмя ключевыми поколениями современной России: - 18–24 лет («поколение Z»); - 25–39 лет («поколение Y»); - 40–59 лет («поколение X»); - 60 лет и старше («поколение "беби-бумеров"») [подробнее о поколениях см.: , 9, 14–16, 22 и др.]. Географию опроса составили следующие регионы: - Владивосток и Приморский край; - Екатеринбург и Свердловская область; - Казань и Республика Татарстан; - Луганск и Луганская область (ЛНР) (в 2024 г. вместо ЛНР был исследован Северный Кавказ); - Москва и Московская область; - Новосибирск и Новосибирская область; - Ростов-на-Дону и Ростовская область; - Рязань и Рязанская область. Все возрастные когорты были пропорционально распределены по каждому из исследованных регионов (по 50 респондентов из каждой возрастной когорты в каждом из регионов). Собранные данные обрабатывались в программе SPSS.

Результаты

Прежде всего, следует обратиться к проблеме, зафиксированной Маргарет Мид: специфика межпоколенческого конфликта, проявляющаяся в направлении трансляции социального опыта. В анкетах обоих опросов содержался вопрос «Как Вы думаете, старшее поколение может сегодня чему-то поучиться у младшего, а младшее – у старшего?». Распределение ответов в сравнении по годам приведено в таблице 1.

Таблица 1. Контингентность возраста с социальными предпочтениями (в процентах по столбцам)

Как Вы думаете, старшее поколение может сегодня чему-то поучиться у младшего, а младшее – у старшего?	Возраст по когортам							
	18–24		25–39		40–59		60+	
	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.
1. Скорее старшее поколение должно сегодня учиться у	5.8	5.0	6.8	7.2	7.0	7.5	7.2	9.3

	младшего, чтобы от жизни не отстать								
2.	«Поучиться» поколения друг у друга чему-то могут, но только немногому – слишком быстро меняется жизнь	21,8	26,5	19,0	22,0	16,5	20,5	16,8	17,3
3.	Взаимное обучение поколений – это естественный закон нашего времени	50,5	43,3	41,3	42,8	38,0	37,0	30,8	38,8
4.	Младшее поколение может научить старших каким-то техническим новинкам, но главные вопросы жизни оно не может понять без общения со старшими	15,5	17,3	21,8	14,8	22,3	23,5	26,0	20,3
5.	Все наши беды от того, что молодое поколение перестало уважать старших	2,5	3,0	8,0	9,3	10,8	7,2	11,8	9,0
6.	В здоровом обществе старики в почете, молодые им подчиняются	1,0	2,0	1,0	2,0	3,5	2,3	4,8	2,8
7.	Другое	1,5	0,5	1,3	1,0	1,3	0,5	0,0	0,8
8.	Затрудняюсь ответить	2,0	2,5	1,0	1,0	0,8	1,5	2,8	2,0

Как видно из приведённых в таблице 1 данных, россияне довольно единодушны в своих представлениях о направлении обмена опытом между поколениями, хотя возрастная специфика всё-таки имеет место: более молодое поколение склонно признавать необходимость взаимности в процессе трансляции социального опыта, акцентируя быстротечность изменений в современном обществе и не желая связывать рост социальных проблем с утратой уважения к старшим. Зависимость от возраста здесь прямая: чем старше респондент, тем более он склонен соглашаться с необходимостью молодёжи учиться у старших мировоззренческим вопросам, при согласии с тем, что техническим новинкам старшее поколение может научиться именно у молодого. Любопытно также, что тезис традиционных обществ о необходимости молодёжи подчиняться старшим (ответная позиция 6) не разделяется ни молодыми россиянами, ни более старшими, а утверждение о том, что старшее поколение должно учиться у младшего (позиция 1) разделяется более старшими людьми, нежели молодыми. Судя по этим данным, вести речь следует не о межпоколенческом конфликте, описанном М. Мид, но скорее о компромиссе между поколениями, о признании важности их друг для друга. Понять, с чем это связано, можно если посмотреть на специфику поколенческих саморепрезентаций через принцип «метаконтраста».

Одним из ключевых методологических принципов, положенных в основу обоих исследований, был принцип «метаконтраста» в теории самокатегоризации Дж. Тёрнера [см.: 17], получивший существенную проработку в трудах отечественных и зарубежных исследователей [см., например: , 2–6, 12, 21 и др.]. В соответствии с данным принципом, представители социальных групп определяют качества самих себя и своей группы («ингруппы», в терминах Дж. Тёрнера) на основе сравнения со значимыми другими

индивидами и «аутгруппах». Соответственно, выявление представлений индивидов о себе и наиболее значимых для них социальных группах производится на основании принципа «метаконтраста» – выявления представлений индивида о самом себе, своей «ингруппе» и «аутгруппах» с целью определения тех характеристик, которыми индивид наделяет самого себя и свою группу. На этой концептуальной базе была подготовлена анкета, включавшая серию вопросов «Как бы Вы охарактеризовали своё поколение», поколение более молодое, более старшее и др. Это позволило зафиксировать специфику саморепрезентаций через метаконтраст со значимыми другими. А повторение этих вопросов в анкете 2024-го года позволило увидеть некоторую ценностную динамику, а также те культурные и мировоззренческие константы, которые не изменились за это время.

Общий результат по выборке в целом приведён ниже в таблице 2, а поколенческая специфика в динамике резюмирована на диаграммах ниже.

Таблица 2. Самокатегоризация поколений в целом по выборке (в процентах)

Как бы Вы охарактеризовали своё поколение?		2023 г.	2024 г.
(выберите пять ключевых характеристик из предложенных ниже)			
1.	работоспособность	56,0	54,1
2.	праздность	4,4	4,6
3.	ответственность	48,1	51,2
4.	безответственность	6,8	7,2
5.	терпеливость	25,3	29,2
6.	импульсивность	10,3	11,2
7.	активность	33,0	31,9
8.	пассивность	6,3	6,2
9.	оптимизм	27,5	23,9
10.	пессимизм	6,0	5,1
11.	консерватизм	6,3	7,1
12.	открытость новому опыту	21,3	18,0
13.	бережливость	19,9	21,7
14.	расточительность	4,6	5,2
15.	чувство долга	34,3	27,9
16.	стремление к свободе	21,8	19,7
17.	коллективизм	17,8	13,0
18.	индивидуализм	13,0	10,0
19.	романтизм	9,1	7,2
20.	прагматизм	3,1	4,4
21.	вера в собственные силы	22,6	18,3
22.	надежда на помощь других	5,3	4,6
23.	ориентация на личный успех	17,3	12,9
24.	ориентация на успех сообщества	4,5	4,2

25.	стремление к участию во власти	3,6	2,2
26.	дистанцирование от власти	5,9	5,1
27.	интерес к политике	10,8	7,4
28.	аполитичность	5,6	3,6
29.	способность рисковать	11,9	7,4
30.	стремление всё планировать	10,1	7,1
31.	умение ценить настоящее	17,9	13,1
32.	потребность в саморазвитии	18,8	12,6
33.	техническая грамотность	16,3	14,1
34.	информированность	12,4	6,7
35.	затрудняюсь ответить	1,8	0,9
Всего		539,9	500,0

В таблице 1 мы видим, что большинство респондентов выбирает типичные для христианской культуры социально одобряемые ценности, которые практически не изменились за прошедший год: работоспособность, ответственность, чувство долга, активность, оптимизм, терпеливость, вера в собственные силы и др. То есть, здесь отражаются скорее общекультурные константы, универсальные для многих человеческих сообществ. Для того, чтобы выявить поколенческую специфику, был проведён корреляционный анализ между переменными самокатегоризации поколений и возраста. Результат этого анализа для каждого из поколений приведён на рис. 1–4.

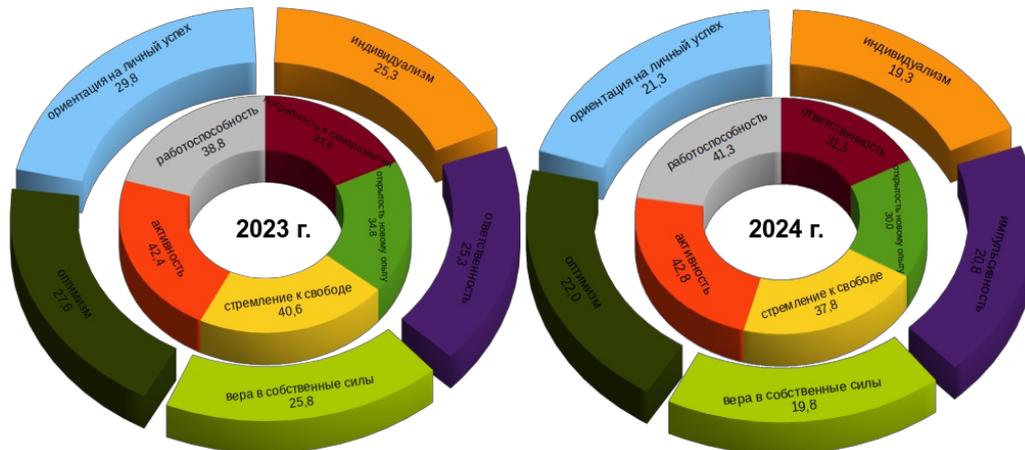

Рисунок 1. Структура самокатегоризации поколения Z (в сравнении по годам)

На рис. 1 мы видим воспроизводство базовой структуры представлений о собственном поколении у молодых людей 18–24, хотя некоторые изменения в этой структуре всё-таки произошли под влиянием внешних факторов: в 2024-м году самое молодое из исследованных поколений неожиданно «повзрослело», поскольку в ядре на смену «потребности в саморазвитии» пришла ответственность. Периферия также практически осталась неизменной, в рамках статистической погрешности.

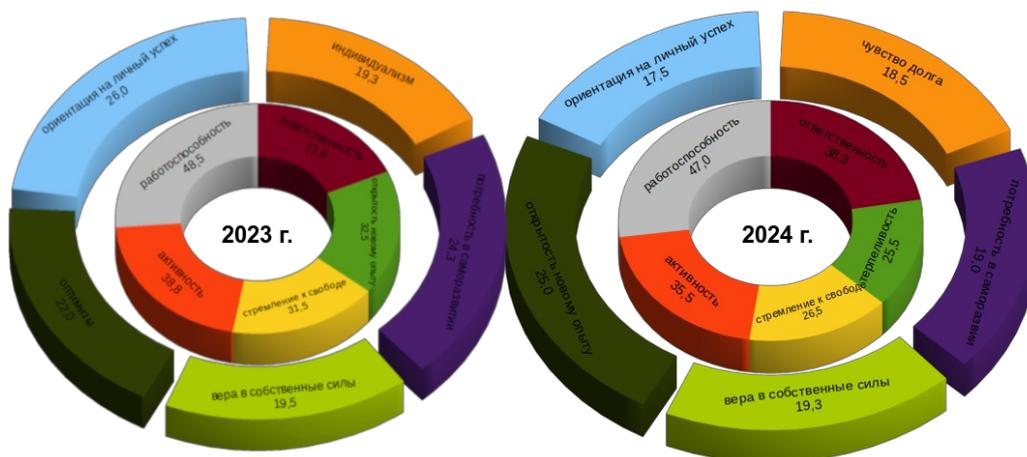

Рисунок 2. Структура самокатегоризации поколения Y (в сравнении по годам)

Аналогичная ситуация и с поколением 25–39, которое также считается достаточно молодым. В прошлом исследовании было установлено, что основной поколенческий «разлом» пролегает между поколениями 25–39 и более старшим 40–59, поскольку поколения 18–24 и 25–39, а также поколение 40–59 и 60+ ментально гораздо ближе друг к другу, чем к более молодым поколениям. Здесь мы также наблюдаем проявление этих свойств: единственное изменение в ядре этого поколения также связано с ростом ответственности и терпеливости (которое пришло на смену «открытости новому опыту»), а на периферии на смену индивидуализму пришло чувство долга, значимость которого в 2023 г. была гораздо ниже, чем в 2024 г.

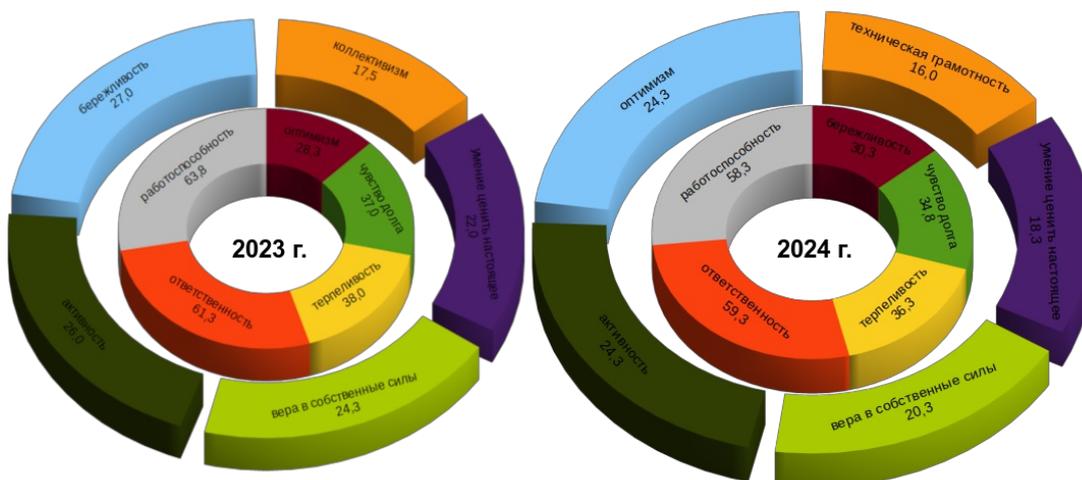

Рисунок 3. Структура самокатегоризации поколения X (в сравнении по годам)

Достаточно стабильна и структура самокатегоризации поколения 40–59: единственное изменение, произошедшее в ядре, относится к повышению ценности бережливости с 27,0 % до 30,3 %, что и произвело соответствующий сдвиг, поменяв местами эти ценности в ядре и периферии. В периферийном слое также техническая грамотность сменила коллективизм, но в данном случае речь идёт о едва заметных сдвигах, не превышающих статистическую погрешность.

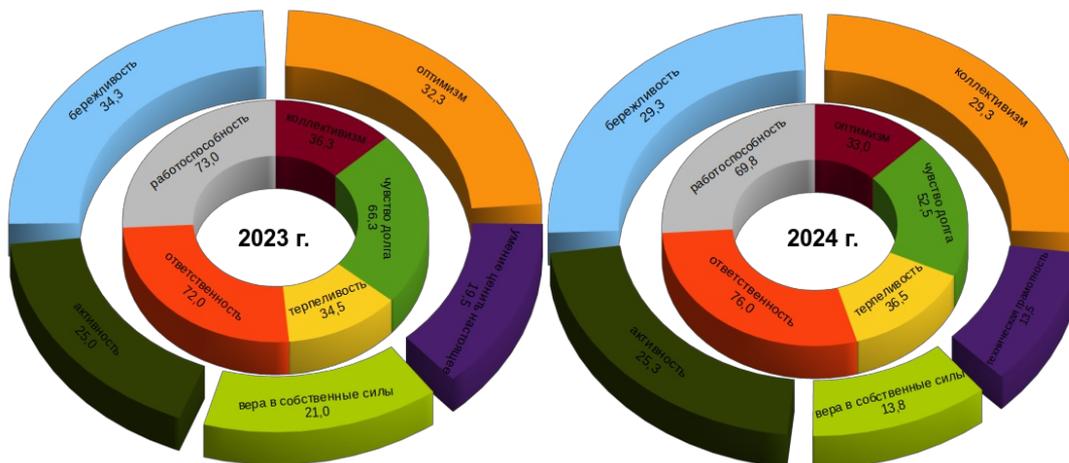

Рисунок 4. Структура самокатегоризации поколения «беби-бумеров» (в сравнении по годам)

Полностью воспроизводится ситуация и с самым старшим поколением 60+: единственное изменение в ядре заключается в том, что две ценности коллективизм и оптимизм поменялись местами – незначительное уменьшение значимости коллективизма перевело его в периферийный пояс, а некоторый рост значения оптимизма перевёл его в ядро.

Как можно видеть из проведённого анализа, высказанное по результатам исследования 2023 г. предположение о том, что самокатегоризация поколений воспроизводит не реальные качества этих поколений, но некоторую ценностную структуру, достаточно стабильную для российской (скорее даже – христианской, хотя и в других регионах эти ценности весьма значимы) культуры, чтобы воспроизводить себя в смене поколений [8]. При этом в прошлом исследовании также было установлено, что старшие поколения наделяются превосходными характеристиками, и это, скорее всего, константа, а не универсалия, поскольку в различных культурах имеет место разная значимость старших поколений (например, в современной американской культуре широко распространён эйджизм, фактически дискриминирующий старшие поколения, в то время как в более традиционных культурах старшинство ценится больше молодости). Соответственно, сравнительный анализ отношения поколений друг к другу по принципу «метаконтраста» подтвердил этот вывод. Здесь же следует остановиться ещё на нескольких аспектах, позволяющих выявить универсалии российской культуры в контексте межпоколенческих отношений.

В соответствии с замыслом исследования, респондентам предлагалось указать три наиболее значимых исторических события, которые (с их точки зрения) наибольшим образом повлияли на формирование мировоззрения их поколения. Свободная форма ответа имела результатом большой разброс полученных данных, однако по целому ряду позиций эти данные оказалось возможным сгруппировать вокруг некоторых ключевых исторических концептов: «(Великая) Октябрьская революция 1917 г.», «Распад СССР», «Великая Отечественная война», «Пандемия COVID-19 и карантин» и др. Всего выявилось 30 основных исторических концептов, в том или ином количестве упомянутых респондентами. Однако самыми упоминаемыми стали Великая Отечественная война; распад СССР; Специальная военная операция России на территории Украины; покорение космоса (в том числе «полёт Ю.А. Гагарина в космос», «выход первого человека в космос» и т. д.); Перестройка 1985–1991 гг.; пандемия COVID-19 и связанный с ней карантин; технологические сдвиги, связанные с появлением и развитием Интернета, сотовой мобильной связи и т. д.; войны в Чечне конца 1990-х – начала 2000-х гг.;

приход к власти В.В. Путина; война СССР в Афганистане и присоединение Крыма к России в 2014 г. При этом необходимо отметить, что группировка ответов респондентов осуществлялась без учёта эмоциональной окраски, независимо от того, позитивно или негативно респондент оценивал конкретное историческое событие, повлиявшее на формирование его мировоззрения. В целом, можно сказать, что структура исторической памяти российских поколений за прошедший год не изменилась. Данные в целом по выборке приведены в таблице 3.

Таблица 3. Исторические события, сформировавшие мировоззрение поколения (в целом по выборке, в сравнении)

Укажите три наиболее значимых ИСТОРИЧЕСКИХ события, 2023 г. которые (с Вашей точки зрения) повлияли на формирование мировоззрения Вашего поколения		2023 г.	2024 г.
1.	Первая мировая война 1914-1918 гг.	0,6	0,9
2.	(Великая) Октябрьская революция 1917 г.	7,9	8,6
3.	Пионерия и комсомол	0,9	0,6
4.	Вторая мировая и Великая Отечественная война	30,1	28,6
5.	Сталинские репрессии	0,3	0,4
6.	Смерть И.В. Сталина	0,3	0,1
7.	Покорение космоса	6,4	6,7
8.	Эпоха «застоя»	0,8	0,6
9.	Война СССР в Афганистане	3,1	3,4
10.	Смерть Л.И. Брежнева	0,3	0,9
11.	Распад СССР	32,4	28,9
12.	Перестройка (1985–1991 гг.)	13,4	16,1
13.	Распад Варшавского договора	0,1	0,0
14.	Нестабильные 90-е годы	4,9	6,4
15.	Путч ГКЧП (1991 г.)	3,0	1,8
16.	Дефолт 1998-го года	3,2	4,9
17.	Войны в Чечне конца 1990-х – 2000-х гг.	4,7	4,8
18.	Приход В.В. Путина к власти	3,8	5,7
19.	Появление и развитие Интернета	3,2	1,8
20.	Появление сотовой мобильной связи/смартфонов	0,7	0,6
21.	Компьютеризация (цифровизация, диджитализация и т. д.)	0,8	3,5
22.	Теракт в Беслане (2004 г.)	0,9	1,6
23.	Мировой финансовый кризис 2008 г.	1,6	1,8
24.	«Евромайдан» на Украине 2013–14 гг.	2,2	0,8
25.	Присоединение Крыма к России в 2014 г.	3,9	2,3
26.	События на территории ДНР и ЛНР 2014–2022 гг.	3,4	0,4
27.	Пандемия COVID-19 и карантин	7,1	5,8
28.	Специальная военная операция России на территории Украины	18,0	17,6

29.	Война между Израилем и Палестиной (2023 г.)	0,4	0,0
30.	Олимпиада (без конкретизации)	0,8	1,4
31.	Другое	56,8	61,6
32.	Затрудняюсь ответить	84,5	81,6
Всего		300,0	300,0

Как можно понять из данных таблицы 3, наибольшее влияние на сознание россиян произвели Великая Отечественная война, распад СССР, Перестройка (1985–1991 гг.), кризис 90-х гг., в том числе дефолт 1998-го года, приход В.В. Путина к власти, Специальная военная операция России на территории Украины и т.д.

По-прежнему два из трёх ключевых событий отмечаются в качестве наиболее значимых всеми поколениями, что позволяет говорить скорее об их общекультурной, а не только поколенческой важности: Великая Отечественная война и распад СССР. Хотя и в отношении этих двух концептов мы видим возрастную динамику: наиболее значимыми эти концепты являются для старших поколений, а для молодёжи очень большое значение имеет день сегодняшний, а именно Специальная военная операция России на территории Украины. Три указанные концепта составляют ядро исторической памяти обоих молодых поколений, а вот в смежном поясе имеются некоторые различия. Так, совсем молодые (18–24) отдельно выделяют технические новшества, оказавшие определяющее влияние на формирование мировоззрения их поколения (что согласуется с исследованиями других социологов в России [см., например: Радаев 2019] и США [см., например: Твенге 2019]), а также присоединение Крыма к России в 2014-м году. Более старшее поколение молодёжи (сегодняшних 25–39-летних) начинало процесс своей социализации в 90-х гг. XX в., поэтому «Нестабильность 90-х» (6,8 %) отмечает в качестве одного из значимых факторов, повлиявших на формирование их мировоззрения. Ещё один фактор, отличающий это поколение от более молодого, стал приход В.В. Путина к власти (7,3 %).

Если мировоззрение 18–24-летних более гомогенно в плане исторической памяти и группируется вокруг 6–7 концептов, то мировоззрение 25–39-летних более вариативно и помимо отмеченных 6 концептов включает ещё несколько: «Перестройка 1985–1991 гг.» (6,3 %), «Присоединение Крыма к России в 2014 г.» (5,8 %), «События на территории ДНР/ЛНР в 2014–2022 гг.» (5,8 %), «Появление и развитие Интернета и сотовой мобильной связи» (5,6 %) и даже «Дефолт 2008-го года» (5,0 %). Статистическая значимость этих позиций ненамного меньше отнесённых нами в смежный пояс «Нестабильность 90-х» и «Приход В.В. Путина к власти». Поэтому можно говорить о том, что мировоззренческие сдвиги в молодых поколениях происходят довольно плавно, без резких разрывов: «Присоединение Крыма к России в 2014 г.» важно и для поколения 18–24 (6,3 %), и для более старшего поколения 25–39 (5,8 %); различия между статистическими значениями не превышают погрешности измерения, но показательными являются изменения в ранговой структуре значимости исторических концептов, указываемых респондентами: именно здесь происходят постепенные сдвиги.

То же можно сказать и о более старших поколениях: значимым является тот социальный и исторический опыт, который это поколение захватило на протяжении своей жизни, но поскольку поколение всегда погружено в культурный контекст, основные различия между поколениями касаются частностей, а также тех ключевых исторических событий, которые это поколение переживало и рефлексировало. Так, поколение 40–59-летних не зря называют «перестроечным»: помимо двух общих для всех поколений исторических концептов «Великая Отечественная война» и «Распад СССР», в ядро исторической

памяти данного поколения входит «Перестройка 1985–1991 гг.» с довольно большим отрывом от других поколений (целых 27,3 %, в то время как для последующего поколения Y значимость этого концепта составляет всего 6,3 %, а для предшествующего поколения «застоя» – только 19,0 %).

Таким образом, анализ собранных в процессе анкетных опросов эмпирических данных позволил зафиксировать как некоторые общекультурные константы, объединяющие воедино всех представителей российского общества (ценности работоспособности, ответственности, веры в собственные силы и др., антиценности безответственности, импульсивности и др.; исторические события: Великая Отечественная война, травматический опыт распада СССР), так и специфицирующие поколения в некое групповое единство во времени (пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, перестройка 1985–1991 гг., СВО России на Украине, покорение космоса и Великая Октябрьская революция 1917 г.).

Библиография

1. Воронков В. М. Проект «шестидесятников»: движение протеста в СССР // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 168–200.
2. Дробышева Т. В. Социально-психологический анализ подходов к дифференциации поколений: психологические ресурсы // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. – Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. – С. 1927–1933.
3. Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. – 2017. – № 5. – С. 71–85.
4. Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Комплексное исследование коллективных переживаний социальных проблем: количественные и качественно-количественные методы // Социальная психология и общества. – 2018. – Т. 9. – № 3. – С. 166–175.
5. Емельянова Т. П., Мишарина А. В. Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2019. – Т. 8. – № 4(32). – С. 334–340.
6. Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 70 с.
7. Константинов М. С. и др. Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов : монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 282 с.
8. Константинов М. С. и др. Мировоззренческие модели современных россиян : монография. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. – 288 с.
9. Левада Ю. А. Поколения XX века: возможности исследования // Левада Ю.А. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2006. – Москва: Новое издательство, 2006. – С. 33–44.
10. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Культура и мир детства. Избранные произведения. – Москва: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. – С. 322–425.
11. Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – Москва: ЛЕНАРД, 2011. – 832 с.
12. Нестик Т. А. и др. Коллективная память и образ будущего: межпоколенческие

- различия // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В. В. Знаков, А. Л. Журавлёв. – Москва: Издательство «Институт психологии РАН», 2018. – С. 783–790.
13. Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Избранные труды. – Москва: Издательство «Весь Мир», 1997. – С. 233–403.
14. Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. – Москва: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. – 221 с.
15. Твенге Д. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. – Москва: Бомбора, 2018. – 336 с.
16. Твенге Д. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни. – Москва: Рипол Классик, 2019. – 464 с.
17. Тёрнер Д. Социальное влияние. – Москва: Питер, 2003. – 256 с.
18. Трошин А. А. Скрытые 1950-е: нарратив префигуративной культуры // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 134–138.
19. Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. – Санкт-Петербург, Москва: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. – 511 с.
20. Comte A. Cours de philosophie positive. Tome quatrième. – Paris: Bachelier, Imprimeur-Libraire, 1839.
21. Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Zanna M. (Ed.) Advances in Experimental Social Psychology. Volume 25. – New York: Academic Press, 1992. – С. 1–65.
22. Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / под ред. Ю. А. Левада, Т. Шанин. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 328 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблему отцов и детей рассматривают с разных сторон психологи, литераторы, публицисты, а эта тема волнует, без сомнения, миллионы людей в разных странах мира. К слову, одно из самых известных произведений И.С. Тургенева «Отцы и дети», ставшее признанной классикой, раскрывает эту проблему миллионам школьников и взрослых. Но «Отцы и дети» это, прежде всего, классика, а современные тенденции межпоколенческих конфликтов находятся в центре внимания профессиональных исследователей: ведь крайне важно не допустить такого явления, которое озвучил в свое время Ю.В. Андропов («Мы не знаем общества, в котором живём»).

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются межпоколенческие отношения в современном российском обществе. Автор ставит своими задачами рассмотреть концепцию М. Мид, проанализировать специфику межпоколенческого конфликта, проявляющуюся в направлении трансляции социального опыта.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать культурные универсалии российского общества в контексте межпоколенческого конфликта. Научная новизна определяется

также привлечением материалов, проведенного авторами социологического опроса: всего в восьми российских регионах было опрошено 1600 респондентов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Из привлекаемых автором исследований укажем на труды В.Н. Карандашева, А.А. Трошева, Т.П. Емельяновой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения межпоколенческих конфликтов. Кроме того, отметим ставший классическим труд М. Мид «Культура и преемственность». Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется межпоколенческими конфликтами, в целом, так и межпоколенческими конфликтами в современной России, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «неоднократно возникавший в истории России конфликт «отцов и детей», блестяще описанный в середине XIX в. И.С. Тургеневым как диагноз зарождающейся кофигуративной (в терминах М. Мид) культуры, уже к середине XX в. приобрёл все характеристики префигуративной культуры и определял дальнейшее развитие нашей страны». Автор отмечает, что «наибольшее влияние на сознание россиян произвели Великая Отечественная война, распад СССР, Перестройка (1985–1991 гг.), кризис 90-х гг., в том числе дефолт 1998-го года, приход В.В. Путина к власти, Специальная военная операция России на территории Украины и т.д.» Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, Великая Отечественная война и распад СССР являются наиболее значимыми для старших поколений, «а для молодёжи очень большое значение имеет день сегодняшней, а именно Специальная военная операция России».

Главным выводом статьи является то, что «анализ собранных в процессе анкетных опросов эмпирических данных позволил зафиксировать как некоторые общекультурные константы, объединяющие воедино всех представителей российского общества (ценности работоспособности, ответственности, веры в собственные силы и др., антиценности безответственности, импульсивности и др.; исторические события: Великая Отечественная война, травматический опыт распада СССР), так и специфицирующие поколения в некое групповое единство во времени (пандемия коронавирусной инфекции COVID-19, перестройка 1985–1991 гг., СВО России на Украине, покорение космоса и Великая Октябрьская революция 1917 г.)».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 4 рисунками и 3 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках изучения современного российского общества.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Конфликтология / nota bene».